

СПбГУЭФ, кафедра
Экономической Истории

**Рецензия на статью В.В. Страхова
“Внутренние займы в России в первую мировую войну”**

Санкт-Петербург

Оглавление

Оглавление	2
Вступление	3
Внутренние займы	Ошибка! Закладка не определена.

Вступление

Я прочитал статью В.В. Страхова, в которой в основном описывается финансовое положение России в годы первой мировой войны. Также рассматривается вопрос о шести внутренних облигационных займах царского правительства на общую сумму в 8 млрд. руб., с помощью которых было покрыто около 30% военных расходов Российской империи в 1914-1916 годах.

Внутренние займы

Как я уже сказал, всего их было шесть. Начнем по порядку:

Первый облигационный военный заем в 500 млн руб. был выпущен в России в начале октября 1914 года. Хотя в его официальном названии отсутствовало слово «военный», все средства от его реализации предназначались для покрытия расходов по чрезвычайному бюджету, то есть для финансирования войны. Правовым основанием для проведения этой операции служил царский указ на имя министра финансов. Заем был рассчитан на погашение тиражами в течение 49 лет начиная с 1916г., имел фиксированный доход в 5% годовых и выпускался по курсу 94 руб. за 100 номинальных. Стоит обратить внимание на то, что в отличие от многих западноевропейских стран, у нас первый заем был проведен только через три месяца после начала военных действий. В конце лета — начале осени, когда истинные масштабы войны и объемы ее финансирования проявились в полной мере, в печати высказывались мнения о целесообразности незамедлительного проведения крупного внутреннего займа. Министерство финансов изучало вопрос о выпуске большого выигрышного займа, но нашло момент неподходящим, опасаясь провала подобной операции вследствие вызванных началом войны потрясений в финансовой и кредитно-денежной сфере. Также идея выпуска крупного займа вызвала разногласия, особенно в Комитете финансов. В начале осени хозяйственная жизнь страны стала приспосабливаться к обстоятельствам военного времени и, еще благоприятным условием для выпуска займа послужил рост курса российского рубля за рубежом. И в октябре 1914 Комитет преодолел все сомнения и выпустил первый заем. Все эти факторы и обеспечили успешную реализацию займа, как указывалось на заседании Комитета финансов 12 января 1915 года. В результате казна получила свыше 466 млн рублей. Однако из-за продолжительной рассрочки при внесении платежей, а также крупных ссуд, которые предоставлялись Государственным банком под реализацию займа, не удалось решить одну из главных задач — существенно снизить количество находившихся в обращении кредитных билетов. Некоторое снижение (на 32 млн руб.).

Рост военных расходов (в конце 1914 г. более 18 млн руб. ежедневно) заставил правительство уже в самом начале 1915 г. вновь обратиться к внутреннему кредиту. 12 января Комитет финансов рассматривал проект нового облигационного займа на сумму в 500 млн руб. и схему его реализации. Большую часть, 300 млн, должны были разместить частные банки, с которыми уже была достигнута соответствующая договоренность. В фонд сберегательных касс намечалось зачислить 100 млн, делая им скидку в 1 % от выпускной цены. Оставшуюся часть займа планировалось реализовать че-

рез Государственный банк, пенсионные и эмеритальные кассы, а также за счет свободных средств различных ведомств. Предложенную схему Комитет одобрил, и в начале февраля последовал указ Николая II о проведении на внутреннем рынке нового займа. Датой его официального выпуска объявлялось 2 марта 1915 года.

Реализация второго военного займа прошла менее успешно, чем первого. Об этом, в частности, свидетельствовал тот факт, что, несмотря на свои обязательства 18, синдикат акционерных коммерческих банков смог разместить лишь 72% от взятой суммы, или 217 млн рублей. Государственный банк и его агенты также испытывали немалые трудности. В итоге пришлось на счета сберегательных касс поместить вместо предполагавшихся 100 млн руб. — почти 161 миллион.

Несмотря на истечение срока поступления платежей по второму военному займу лишь в начале мая 1915г., уже 20 апреля на заседании Комитета финансов был практически решен вопрос о выпуске на внутреннем рынке очередного займа в 1 млрд рублей 25.

Выбор такой суммы третьего займа не был случайным, размер его был «привязан» к тому миллиарду, на который, по решению Совета министров от 17 марта 1915 г., расширялось эмиссионное право Государственного банка. Поэтому одна из главных задач данной операции состояла в аккумуляции той массы кредитных билетов, которая должна была попасть в обращение в последующие несколько месяцев.

Таким образом, если два первых военных займа выступали во многом как средство сокращения наличной бумажно-денежной массы, пусть и малоэффективное, то третий — как инструмент последующего ограничения эмиссии за счет «вторичного» использования казной большей части того количества кредитных билетов, выпуск которых предусматривался указанным актом Совета министров. Такого же характера связь с бумажно-денежной эмиссией имели и два следующих, четвертый и пятый военные займы. Понимая, что реализация третьего военного займа будет, из-за его огромного размера, сопряжена с немалыми трудностями. Министерство финансов попыталось повысить «привлекательность» его эмиссионных условий для потенциальных подписчиков. Особые надежды в связи с этим возлагались на продолжительность займа. Официально его погашение посредством ежегодно проводимых тиражей планировалось начать в 1921 г. и продолжать вплоть до 1996 года. Однако при этом держателям облигаций правительство гарантировало, что уже в 1921 г. все желающие смогут их сдать по номинальной стоимости. «Причудливая комбинация долгосрочное с краткосрочностью» — так, не без оттенка сарказма, было воспринято данное условие некоторыми финансистами, понимавшими его надуманность и скрытое за ним стремление правительства любым путем заинтересовать в подписке крупный финансовый капитал.

Тем не менее в период подписки реализовать заем полностью не удалось. Не помогло даже то, что банки перевыполнили свои обязательства и смогли разместить бумаг на 683 млн рублей. Комментируя итоги реализации,

журнал «Банки и биржа» писал: «В подписке участвовали главным образом крупные капиталисты, а также разного рода учреждения, которые по своим уставам должны были хранить принадлежащие им суммы в государственных ценных бумагах» 28. Характерным являлось и отсутствие интереса к займу на периферии: в 15 наиболее крупных городах России он был размещен лишь на сумму в 32 млн рублей. Естественно, что при таком положении роль публичной подписки была незначительной.

Если первых три военных займа стали своего рода экспериментами, отражением поиска оптимальных для периода войны эмиссионно-технических характеристик кредитных операций государства и стратегии их размещения, то выпущенный в октябре 1915 г. четвертый заем был, по сути, результатом этих изысканий. Его главная особенность заключалась в том, что, в отличие от всех предыдущих правительственных займов, он был ориентирован не только на банки и крупных держателей, но и на массовую, широкую по своей социальной базе публичную подписку.

С целью популяризации займа массовыми тиражами были выпущены афиша «Что нужно знать о военном займе 1915 года», агитационная брошюра «Военный заем 1915 года», а также отпечатан специальный плакат. Он содержал выразительное, подчиненное единой политической идее изображение молодого рабочего, вытачивающего на станке снаряды, и призыв: «Патриотично и выгодно! Покупайте военный 5 % заем»

Результаты подписной кампании вызвали многочисленные отклики печати, в которых подчеркивалось, что привлечена «масса мелких сберегателей», заем «прошел с небывалым в России успехом». По мнению министра финансов, особенно важным являлось то, что заем стал «большим шагом вперед» в направлении переноса финансовой тяжести войны с бумажно-денежной эмиссии на кредитные источники.

Однако в действительности результаты были далеко не такими обнадеживающими. Несмотря на рост объема публичной подписки, достигшей 340 млн руб., правительству так и не удалось привлечь к ней широкие слои населения и, главное, крестьянство. «Подписка со стороны сельской народной массы лишь очень поверхностно затронула тот громадный запас сбережений, который накопился за период войны», — отмечалось в этой связи в одном из циркуляров Управления по делам мелкого кредита Государственного банка. Более того, по признанию самого П.Л. Барка, удалось реально разместить лишь около 800 млн руб., так как к окончанию подписной кампании у коммерческих банков, входивших в синдикат и взявших на себя 600 млн руб., оставалось на руках более 200 миллионов м. В дальнейшем вся эта сумма была отчасти отдана банкам по более низкому курсу, отчасти списана на счета государственных кредитно-финансовых учреждений.

Таким образом, большая часть облигаций четвертого военного займа, как, впрочем, и всех остальных, оказалась сосредоточенной в руках крупной буржуазии. Участие ее капиталов по-прежнему оставалось решающим условием успеха внутренних кредитных операций царского правительства.

1916 год был ознаменован выпуском в феврале и октябре очередных двух военных займов на 2 и 3 млрд руб. соответственно¹. Официально подписка на пятый военный заем начиналась 15 марта и должна была закончиться 22 апреля. На деле же из-за огромного размера реализуемой суммы и недостаточной подписной активности кампания продолжалась вплоть до середины июня. Аналогичная картина наблюдалась и при проведении следующего займа. Открытая 1 ноября сроком на два месяца, подписка фактически продлилась вплоть до Февральской революции.

Министерство финансов развернуло массированную пропагандистскую кампанию в печати. По примеру союзников к популяризации займов был привлечен и кинематограф. В марте 1916 г. фирмой «Русская лента В.С. Глаголин и К» по заказу Министерства финансов были отсняты две «кинематографические пьесы» пропагандистского характера — «Заветная кубышка» и «Все для войны». Пропаганда займов 1916 г. велась также с помощью воззваний и обращений, авторами которых были видные политики, общественные деятели, военачальники, руководители различных ведомств и учреждений, губернаторы и т.д. Немало усилий прилагалось для привлечения к подписке на займы крестьянских масс. «С прекращением продажи питей, с выгодной реализацией урожаев последних лет и вообще с притоком в деревню крупных сумм по реквизициям, по военным поставкам и по выдаче пайков, можно с уверенностью сказать, — подчеркивалось в одном из подписанных Барком циркуляров, — что сумма сбережений, а вместе с тем и непроизводительно лежащих бумажных денежных знаков, возросла в сельской России до очень крупных размеров, исчисляемых не десятками, не сотнями миллионов, а миллиардами рублей». Вести пропаганду среди жителей деревни должны были и земские начальники, служащие казенных палат, уездных раскладочных присутствий, почтово-телеграфного ведомства. Наибольшую активность проявляло Управление по делам мелкого кредита и подведомственные ему структуры на местах. Объяснялось это тем, что по распоряжению министра финансов на них была возложена основная работа по популяризации займов и проведению подписки в сельской местности. И все же в масштабе всей страны пропаганде военных займов в 1916 г. среди крестьянства так и не удалось придать широкий и систематический характер. Более того, в ряде губерний, особенно удаленных от центра, она почти не проводилась. Несмотря на содержащиеся в правительственных циркулярах предложения и рекомендации, которые осенью 1916г. принимали тон категоричных требований, должностные лица на местах зачастую их просто игнорировали.

Мощную «моральную» поддержку займам 1916 г. оказали прогрессистско-кадетские круги. Однако их усилия имели мало общего с реальной помощью правительству в решении сложнейших финансовых проблем, а были направлены на достижение собственных политических целей, отражая тактическую линию на использование любых возможностей в интересах «самой важной и настоящей внутриполитической задачи» — организации и объединения «общественных сил». Наиболее серьезным шагом с их стороны явилось создание при Государственной думе под председательством М.В. Родзянко Всероссийского комитета общественного содействия военным займам, основная задача которого официально состояла в том, чтобы, подобно Центральному военно-промышленному комитету, дать толчок для «финансовой мобилиза-

ции» и привлечь к военным займам «миллионы подписчиков»

Каковы же были итоги реализации внутренних займов 1916 года?

Проведение подписных кампаний в 1916 г. отличалось гораздо более высоким, чем ранее, уровнем организации и значительным расширением состава участвовавших в них учреждений. К реализации пятого займа были дополнительно привлечены десятки городских общественных банков и обществ взаимного кредита, а к размещению следующего — городские и земские управы, местные отделения Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков, многие страховые общества, ломбарды и т.д. Увеличилось количество используемых учреждений мелкого кредита. Если к проведению февральского займа были привлечены 9,9 тыс. кредитных и ссудосберегательных товариществ, сословных кредитных объединений и земских касс, то есть почти половина от их общего числа, то в распространении ноябрьского займа участвовало свыше 12 тыс. подобных учреждений. В распространении займов, особенно трехмиллиардного, участвовали даже приходские священники, податные и фабричные инспекторы, нотариусы.

Как и прежде, в основе проведения займов лежали соглашения Министерства финансов с синдикатом акционерных коммерческих банков. По пятому займу частные банки обязались обеспечить подписку на 1200 млн руб., то есть 60% общего объема эмиссии. Фактически они смогли разместить облигации лишь на 683 млн руб., или на 34%. Что касается шестого займа, то в октябре 1916 г. банковский синдикат взялся реализовать облигации на 1800 млн рублей. В два приема к концу января 1917 г. банки полностью рассчитались с правительством за эту сумму, хотя в их портфелях оставались еще нереализованные облигации на сотни миллионов рублей. Учитывая выпускной курс займа и двухпроцентную банковскую комиссию, казна получила 1682 млн руб., из которых 1281 млн были представлены краткосрочными обязательствами казначейства и облигациями прежних займов, 225 млн — собранными по подписке наличными деньгами и 176 млн — также наличными, но занятыми у Государственного банка под заклад облигаций.

По уверениям царского правительства, пятый и шестой военные займы были размещены полностью. Однако существовавший механизм расчетов был таков, что, формально выручив от реализации этих займов соответственно 1884,5 млн и 2799,7 млн руб., в действительности государство получило значительно меньше. По данным директора Департамента казначейства Г.Д. Дементьева, общая сумма поступлений от операций по этим займам исчислялась 4173 млн рублей. В составе этих поступлений на публичные подписки пришлось: по двухмиллиардному займу — 1,5 млрд руб., по следующему — около 1,4 миллиарда.

Своеобразный итог военным займам 1916 г. подвело состоявшееся 6 февраля 1917 г. заседание Комитета финансов, последнее в его почти вековой истории. Полностью посвященное анализу проблем внутреннего государственного кредита и положению казначейства, заседание отличалось несвойственной его участникам резкостью суждений, их нескрываемым пессимизмом. Обычно крайне сдержанно относившиеся к вопросам

внутриполитической жизни, члены Комитета «не нашли возможным скрыть от себя тревогу за наш государственный кредит в связи с наблюдаемым внутренним политическим положением». Учитывая «тесную зависимость успеха государственных кредитных операций от настроений широких народных масс», они констатировали, что «проявляемая особенно за последнее время нервность населения не замедлила отразиться на ходе подписки на последний заем». «При таком положении вещей, — подчеркивалось далее, — едва ли есть уверенность, что дальнейшие мероприятия финансового ведомства в смысле популяризации займов достигнут желанной цели, если не будет создана более благоприятная почва внутри империи» .

Не менее жесткую оценку сложившейся ситуации давала Кредитная канцелярия. Исполнив к концу января указание министра финансов о разработке программы проведения внутренних кредитных операций на 1917 год, она, имея в виду краткосрочные и долгосрочные займы, отмечала, что «емкость нашего рынка в отношении помещения в такого рода займы представляется в известной степени использованной» ". По существу, это был «приговор» внутреннему кредиту царского правительства.

Заключение